

ПРЕКРАСНАЯ НЕОБРАТИМОСТЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Предложение уважаемых членов Оргкомитета – Юры Клубкова и Коли Загускина – принять участие в составлении коллективных воспоминаний о прошлом доставило мне, пожалуй, большую головную боль, чем другим однокашникам. И понятно – почему. Ещё ничего не зная о данной затее, я перед этим умудрился написать аж целых три ремесленных книжки записок о прошлом и, вдобавок, – десяток рассказов практически на эту же тему. В общем, построил целый ордер мемуарных сочинений. Самиздатовские распечатки центральных творений – «Тихоокеанский флот», «И ещё одна треть века» – были доставлены всем доступным подготам, и можно считать, что их содержание уже известно потенциальным потребителям планируемого коллективного сочинения.

Все перечисленные рациональные доводы сразу же пришли мне в голову при разговорах о создании нового общего мемуарного

произведения, известно, что здоровая природная лень быстро подсказывает нам подобные отговорки в подобных случаях. Поначалу я даже устыдился скорости, с которой вроде бы очевидные оправдания не только пришли «на ум», но и были высказаны организаторам новой затеи. Хорошо хоть, что после первых разговоров на данную тему в 1998 году, я снова убрался в свой Академгородок, и последующие позорные события, связанные с отказом принять полноценное участие в коллективной затее, происходили не на глазах моих друзей.

Увы, выяснилось, что причиной упорного нежелания составлять краткий конспект собственных воспоминаний является не только уже упомянутая лень. Вряд ли кто-то станет цитировать мои записки, придётся мне и в этом деле выступать самодельщиком «в квадрате». Вот что было написано лет пять тому назад на тему оперативной переделки заметок о прошлом:

...при кажущейся простоте таких воспоминаний всё-таки они больше похожи на каменную кладку, нежели на легко изменяемые построения из пляжного песка.

Но это наблюдение (конкретно – связанное с необходимостью дополнить рассказ об Игоре Андреевиче Полетаеве) было только началом постижения сложного взаимодействия отдельного человека с собственными сочинениями. Когда ты сам строишь тексты о прошлом, только в ходе механической работы приходится многократно вчитываться в каждое слово, сначала составляя его из букв (одним пальцем), а потом – выискивая разные ашипки. Поверьте мне на слово, без помощи сторонних помощников (про настоящих редакторов я и не говорю) в одиночку написать более или менее грамотный текст – непростая задача. И поначалу я перечитывал свои творения, имея в виду только указанную утилитарную задачу. Но вот книжка отпечатана и роздана друзьям, вроде бы самое время окончательно положить её на полку.

Оказалось, что сделать этого не удаётся. Какие-то неведомые силы постоянно тянут меня к почти наизусть знакомым словам, предложениям и снимкам, заставляя заново переживать всё связанное с этими, казалось бы, бездушными знаками. Пришлось даже, для облегчения непонятно кем заданной непрерывной работы, специально распечатать всё написанное в виде одной книжки (буквы 12 pt и достаточно крупные изображения) с совершенно не подходящим для широкой публикации названием

ОПЧЁП

*о длительной командировке без права и возможности вернуться назад –
в подмосковную деревню Фомино
времен 1946 года*

Довольно-таки толстую брошюру и переплели знакомые в Институте гидродинамики наподобие научных отчётов – в казённую голубую «одежку».

Но только этим взаимодействие моё с собственными творениями не закончилось. Я стал замечать, что записки — не просто «колышек», который я сам же поставил на жизненной борозде (если помните, там есть краткое описание не только прошлой службы, но и всех относительно законченных и продолжающихся «научных» упражнений). «Мёртвый» овеществлённый текст принялся странным образом взаимодействовать с ещё продолжающейся жизнью. Поначалу мне даже показалось, что повторяется история бальзаковской «шагреновой кожи» — после каждого очередного чтения неописанный остаток жизни становился огорчительно ещё более коротким. И хотя, с арифметической точки зрения, при любых предположениях о дате ухода, данное высказывание абсолютно справедливо, что-то «внутри» постоянно возмущается подобным вмешательством самодельного фолианта в нынешние дела.

Уж извините, ребята, чтобы не усугублять кратко зарисованный выше процесс саморазрушения, пока не поздно, вместо «пере-

стройки» уже помянутого ордера я попробую поговорить как раз об этих разнообразных «делах». Разумеется — не обо всех. Пока шёл (и идёт) процесс ломки великой страны, я успел притерпеться ко многим переменам внешних атрибутов жизни (и глубинным течениям — тоже), привык даже к стыду за своё бездумное членство в партии и неумение вовремя разобраться в сущности этой организации и якобы руководящей ею теории. Участие наше в большинстве дел прошедшего столетия осталось «за кормой», как ни ерпенься, ничего изменить в этом просто невозможно.

По большому счёту, из всех занятий прошлого века для меня продолжается только возня с численными моделями разных явлений. Наловчившись, после приезда в Академгородок, обращаться с вычислительными машинами разных размеров, я уже не мыслю себе иного состояния, кроме придумывания внешне бездушных схем различных человеческих дел, превращения этих схем в значки, «понятные» любимым моим автоматам, и

ожидания «выдач» — опять-таки значков, но уже выработанных компьютерами (вроде — самостоятельно) из представленного им исходного материала.

Чем дальше «в лес», тем большие сомнения одолевают меня на всех перечисленных этапах данного процесса.

А как хорошо всё начиналось. Получив в 1963 году доступ к ЭВМ «М-20» (эта штука-вина представляла собой огромный подвал большого здания, заполненный жужжащими и пышущими жаром механизмами), я постоянно вспоминал «бочонки» лото, с помощью которых при выполнении первой моей научной работы на Классах приходилось имитировать случайные явления (вытаскивать этот «бочонок» из мешочка вслепую — не главная обуза, за ней следовали расчёты с применением логарифмов). То есть в первых моих вычислительных опытах машина просто помогала преодолевать сложности вероятностных расчётов при анализе стрельбы торпедами. Но потом сработали какие-то малоизученные факторы — то ли относительный

избыток свободного времени при отсутствии подчинённых, то ли многокилометровое расстояние до морских просторов, и я принялся задумываться не только о вычислительных аспектах подводного боя (больше всего меня тогда интересовала стрельба противолодочными торпедами). Такой бой никак нельзя сводить к ясным и понятным каждому морскому офицеру «торпедным треугольникам»: участвующие в нём лодки и их экипажи поставлены в примерно равные условия наблюдения за окружающей средой. В этих условиях обычная скрытность нападения с помощью торпед перестаёт быть аксиомой, и трудно предположить, например, что атакованная сторона, в свою очередь, не постарается уклониться от выпущенных по ней торпед, а то и встречно поразить своего обидчика. Я начал встраивать в свои численные розыгрыши атак элементы перечисленных выше действий участников подводного боя, и мои модели из просто расчётных понемногу стали переходить в совсем иное качество. Не берусь утверждать, что в то-

гдашней моей голове все эти перемены имели ясное отражение — пишу-то об этом спустя более тридцати лет. Но чётко помню, что решение представить свою работу на защиту в виде диссертации пришло именно при появлении признаков этого нового качества проводимых исследований.

Съездил я со своими плакатами в московский Вычислительный центр АН СССР, получил книжечку кандидата «тех» наук (и другие книжечки, а также очередные — последние — звёзды на погоны), но жизнь ведь этими событиями не заканчивалась — завершался всего лишь мой четвёртый десяток лет. Питательная среда событий и дел морской службы становилась всё более далёкой, от её фактического окончания прошло уже шесть лет. Да и сам мой любимый Тихоокеанский флот, как я понимаю, всегда был не только географической окраиной России.

Наблюдая в Сибири многих своих товарищей по исследовательскому ремеслу, я не раз встречался со случаями отрыва и куда более талантливых людей от нормальной

научной среды со всеми губительными последствиями такого поворота событий. Но мне, в очередной раз, повезло. Большое дело программно-целевого планирования своим краем «задело» сибирский институт, где я работаю. Причём «задело» самым благоприятным образом: представляли его замечательные и расположенные ко мне люди, начиная с академика Гермогена Сергеевича Поспелова и его сотрудников из Вычислительного центра АН СССР и кончая симпатичным генералом Максимом Ивановичем Чередниченко. Наверное, реальная картина не была столь светлой, но я напрочь забыл всех гражданских и военных долдонов, причастных к составлению так называемых Программ вооружений, пусть уж они спокойно доживают свой век в ушедшем советском времени. А я из всех своих товарищей по этой работе никогда не забуду не только помянутых здесь и в записках «учёных», академиков и генералов, но и мальчишек в званиях от лейтенантов до подполковников, что приезжали из своих военных контор к

нам для совместной работы со своими совсем не казёнными замыслами и надеждами. Большая группа таких ребят служила в нашем «химическом» центре Шиханы (во время путешествий в среднем Поволжье, я всё не мог понять, почему для обычных людей недоступна такая большая территория). После чернобыльской беды они начали пропадать в командировках на опасном месте и получили изрядные неучтённые дозы облучения. Но это я, как всегда, отвлекаюсь...

Идеи и содержание работ по программно-целевому управлению мне довелось в течение многих лет обсуждать в целой куче отчётов, выступлениях перед самыми разными людьми и пытаться излагать в двух небольших брошюрах. Понятно, что, после всего перечисленного, занятие это к настоящему времени изрядно надело. (Только не подумайте, что вообразил себя постигшим данную тему «до конца»). Правда, сейчас никому и не приходит в голову продолжать такие обсуждения. И, по-моему, зря.

Во время последнего моего подготского праздника в 1998 году, ребята старались одарить сибирского провинциала разными ценными вещами. В частности, Эрик Александрович Ильин, на правах одного из главных хранителей российского морского книжного богатства, преподнёс здоровенный том (814 страниц качественной бумаги большого формата) под названием «Военно-морской Флот СССР, 1945-1991 годы». Написанная двумя сотрудниками Первого института книга живёт теперь рядом с моим лежаком и служит постоянным инструментом напоминания об упущенных возможностях и укора участнику несостоявшегося научного управления развитием нашего Флота (и не только этой компоненты Вооружённых сил). Не стану говорить об идеологической начинке объёмной работы, но приведённые в ней фактические сведения не вызывают сомнений, в конце длинного списка отечественных источников показаны «всего» три иноземных:

200. *Jane's Fighting Ships. 1950-1996.*

201. *Jane's Weapon Systems. 1973-1990.*

202. *Jane's Defense Weekly. 1979-1995.*

Я постоянно «примеряю» ставшие доступными цифири и к своим моделям оптимизации кораблестроительных программ (тридцатилетней давности), и к труду нашего Главкома «Морская мощь государства», и к многочисленным воспоминаниям адмиралов нашей поры. Наверное, и другие мои товарищи затянуты в подобную невидимую работу. Вряд ли с колокольни оторванного от Флота человека можно разобраться во всех сложностях большого и рухнувшего, как карточный домик, дела. Но об одном общем впечатлении, пожалуй, скажу. Уж больно расходятся красивые слова возвышенных замыслов и прокламаций с внешне мало говорящими цифрами. Особенно, когда к цифрам добавляются фотографии корабельных кладбищ и мало интересующие штатских заметки из газет и телепередачи о нынешней жизни Флота. Причём заметьте — я совсем не

поднимаю самую главную тему «зачем» («на неё», по существу, положены наши жизни), а имею в виду только вопросы из области «как» — делу, на краю которого мне довелось работать.

Но это всё — малосущественные «эмоции». Лучше поговорим о самом этом «деле». Занимаясь по заказам московских контор задачами программно-целевого планирования, мы всегда на первом плане рассматривали вооружение и военную технику. Оно и понятно, так называемые «заказывающие» подразделения центрального аппарата мин-обороны, в подавляющем большинстве, укомплектованы «инженерами» или людьми, которые себя таковыми считают. Не стану здесь приводить слова уважения к этому, на самом деле, высокому званию. Но задним числом, уже после окончания всех формально заданных НИР, меня стали одолевать мысли о серьёзных изъянах самого такого технотронного подхода к анализу военных систем. Среди прочего, в подавляющем числе постановок задач были почти полностью

забыты люди. Те, без которых ни одна боевая машина даже не стронется с места, не то что вступит в бой. И такое положение никого не смущало из «планировщиков», бойцами и командирами занимались другие военные ведомства. Как занимались — лучше судить тем, кто куда больше моего отдал морской службе. Но и мои десять самых лучших лет, проведённые на ТОФ'е, «сработали» в этом познавательном процессе. Спустя четверть века. И не на основе каких-то теоретических возвышенных озарений, а того подспудного, что, вроде бы помимо нашей воли и намерений, копится где-то внутри. Ведь знал каждый из нас, что главное в любом сложном или опасном занятии — надёжные товарищи. И тогда всё остальное приложится. Не по щучьему велению, и не всегда со счастливым концом. Но обязательно «приложится». С нами или уже без нас.

Постепенно привычные размышления о боевой эффективности вооружения, сущности денег и фактора времени в процессах его создания и эксплуатации, динамике свойств

военных систем (по привычке я начинаю переходить на псевдонаучный жаргон) и прочих составляющих сложного явления стали сначала дополняться, а потом — и вытесняться разными предположениями о действительной роли людей в жизнедеятельности разных частей общества. Естественно, в первую очередь — военнослужащих, действующих в составе «военных систем». Пришлось как бы дистанцироваться от самого себя и товарищей по службе, поглядеть на всех нас со стороны, да ещё примеряясь с разными воображаемыми линейками. Показатели физического здоровья, знаний и навыков, а также «морального состояния» обрели свои значки. Недолго думая, я назвал такие показатели альфа-, бета- и гамма-характеристиками и принялся стряпать разные формулы с участием данных величин. В этом процессе стали открываться такие глубины неизведанного, что приходится периодически сомневаться в собственной «нормальности» и придумывать разные оговорки, что мол это просто «пробы», умозрительные упражне-

ния и т.п. Буквально все факты прошлой и окружающей жизни, сюжеты прочитанных книг, поразившие воображение сообщения прессы и телевидения я начинаю толковать именно с позиций своих ненаучных построений, жадно «нанизывая» каждое явление на нить воображаемых схем человеческой жизни.

В этом месте рассказа самое время попытаться определить «точку грехопадения», когда меня понесло от ставших уже привычными моделей развития военных систем к более широкому (и, как следствие, — ещё менее доступным для постижения отдельным человеком) схемам жизнедеятельности общества. Началось всё просто: пытаюсь проследить динамику характеристик военно-служащих, я поневоле должен был задуматься о предыстории соответствующих свойств до момента поступления на военную службу, никто ведь не рождается сразу одетым в тельняшку. (Сознаюсь, и спустя полвека продолжаю смотреть на жизнь страны как бы изнутри забора нашего чудильника.)

Оказалось, что такие вполне понятные рациональные намерения и есть та «волчья яма», куда я угодил, вслед за многими предшественниками.

А ведь уже были сигналы из прошлого. Первый из них относится к размышлениям о сути денег, всех этих «С» (от английского *cost*), что, ничтоже сумняшеся, вставляют учёные в разные формулы. «Пушки вместо масла». И бездна вопросов потом — сколько того и другого, по каким «ценам» и так далее. Ну всё это вы можете прочесть в главе с суховатым названием «Программно-целевое планирование» из книжки о работе в Академгородке. Равно, как и упоминания, что другие, куда более умные и талантливые люди из военно-исследовательской среды, «сломали шею» на подобных делах. Очевидно, в силу незначительного веса того предмета, который поддерживает моя шея, ничего я не сломал. Однако «экономическую чухотку» приобрёл. По-видимому, неизлечимую. Но это тоже уже было описано...

Вернёмся к формальным схемам динамики свойств людей. Никто из военных нам эти схемы не заказывал, в стране шла «перестройка», революция и другие важные события. Сначала в ходе этих событий танки Кантемировской дивизии относительно мирно под музыку «Лебединого озера» въезжали в столицу, а потом, спустя пару лет, и палили там по каким-то крупным зданиям. Сами понимаете, в такое время не до сомнительных исследований.

Не хотелось бы превращать этот текст в обычное нытьё окружающих меня научных работников о тупых чиновниках, не понимающих полёт мысли многочисленных гениев. Я уже давно заметил, что, если начнёшь разбираться с истиной картиной каждой из таких коллизий, эти самые «чиновники» и якобы умственно ограниченные «практики», как правило, имеют веские причины не слушаться первых встречных советников, да и по своим умственным способностям очень часто превосходят «учё-

ных», просто эти категории людей занимаются разным делом.

Поэтому предлагается сделать перерыв в изложении истории моих поделок и рассказать о «среде», в которой они изготавливаются. Честно скажу – среда эта мне очень нравится. И причина проста, она сводится к тезису «даже кошка любит ласку». За много лет работники нашего института разного служебного положения привыкли к существованию бывшего военного (я остался один из всей нашей группы), поняли, что я не посягаю на их возвышенные занятия и особое положение в обществе и, смею предположить, очень лояльно относятся к привычной фигуре инородного человека. С появлением у меня дома более мощного, чем в институте, компьютера, я окончательно перешёл на режим работы возле своего лежачка. Но и на такое, немыслимое в обычных организациях, положение нынешнее начальство закрывает глаза. Вместе с несколькими подобными работниками меня перевели на положение «научного сотрудника б/у (бывшего в упот-

реблении)», избавив даже от необходимости составлять ежегодные отчёты о проделанной работе. Наверное, моим руководителям надоели повторы в этих отчётах, несколько лет я писал там почти одно и то же — мол пишу книжку о моделях развития военных систем. Больше того, когда исходный вариант этой книжки появился на свет, мне предоставили очередную возможность напечатать третью мою брошюру «официальным» порядком в издательстве института.

Но здесь я опять сделаю отворот от основного курса данного рассказа (зачем производится это галсирование, непонятно) и всё-таки расскажу о последних опытах взаимодействия своих творений с нынешними военными людьми.

Что бы ни говорили о современных людях, они — наше продолжение. И не всегда продолжение только наших недостатков. Однажды, мой научный начальник приехал из Москвы (я отношусь к его поездкам, как к экспедициям в экзотический мир и жадно расспрашиваю обо всём увиденном) и рас-

сказал про встречу со своими, более титулованными, московскими коллегами из среды так называемых *исследователей операций*. В большинстве своём, это народ уже послевоенных поколений. Среди прочего, учёные говорили и о том, что делать с работами оборонного профиля, которые полностью заброшены «заказчиками» (понятное дело — за всё теперь нужно платить более или менее настоящими деньгами). И мой друг — академик Павел Сергеевич Краснощёков — прочитал собравшимся одно из любимых мною Симоновских стихотворений:

*...Уж в сотый раз врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган.
И рыжие британские солдаты
Идут на штурм под хриплый барабан...*

(При случае и вы почитайте ещё раз. Стихотворение называется «Поручик», написано ещё до войны, когда тоже всё было ох как непросто).

Вот мои учёные друзья и порешили: деньги — деньгами, а работы для Отечества всё-таки не бросать.

На наших нижних сибирских этажах и применительно ко мне всё это выглядело следующим образом. Части работы по исследованию свойств военнослужащих и их связи с эффективностью военных структур сначала рассылали (без какой-либо ответной реакции) в разные учреждения в виде отчётов института и тезисов конференций, на которые автор, естественно, не выезжал. Перебирая оставшиеся возможности, я даже в частном порядке просил своих друзей (например, Джемала Измайловича Зайдулина, он теперь профессор Военно-морской академии) как-то довести до сведения потенциально заинтересованных людей эти материалы. В ходе данного процесса был изготовлен пробный «тираж» (в числе 10 экземпляров) новой книжки «Математические модели планирования военных систем», которую одели в красивую современную обложку (я перенёс на неё в виде фона все мыслимые

образцы вооружения), и встал вопрос о технике использования своеобразного «запала».

Главную работу «подрывника» в московских военно-научных эшелонах выполнил наш товарищ по совместной работе Виктор Валентинович Василенко — бывший воспитанник нашей физматшколы, а затем сотрудник института РВСН (и поклонник разного мемуарного чтения), знающий указанные «эшелоны» как свои пять пальцев. По договорённости с ним в качестве жертв нашей атаки было отобрано десять «умных» и ещё не разучившихся читать московских генералов (исходный список, естественно, включал большее число целей). Вопреки советам друзей, доказывающих мне глупость такой постановки вопроса, рассылка была снабжена сопроводительным письмом, в котором начисто отметались любые явные и тайные намерения автора, кроме просьбы почитать сочинение и, по своему усмотрению, «передать товарищу». Точнее — товарищам, так как у данных лиц и подчинённых достаточно, да и средств доставки сведений

до них — тоже. О результате можете не спрашивать. Только один из начальников, которого, по-видимому, с Витей связывает не только служебное знакомство, откровенно спросил, что же этому му... из Сибири нужно. И, действительно, что?

Хотя все перипетии привычной эпопеи «внедрения» были известны в институте, в один из не самых плохих дней от начальника моего — Владимира Леонидовича Береснева — поступила команда быстренько изготовить оригинал-макет книги для печати небольшого благотворительного тиража уже более официальным порядком. Работу эту я выполнил, и даже получил за неё деньги (первый заработок, непосредственно связанный с программно-целевым планированием). Но качество моего макета получилось неважным, я даже умудрился перепутать часть литературных ссылок, не говоря уж про обычные описки. Авторская доля тиража брошюр была разослана друзьям, кое-что купили безвинно обманутые неизвестные читатели, и в данной эпопее была поставлена фор-

мальная точка. Джемал сообщил, что на кафедре тылового обеспечения в академии книжка понравилась. Если дело снабжения родного Флота в результате улучшится, хоть на йоту, можно считать, что трудился я не зря.

Дотошными и добросовестными исследователями текста, как и заранее можно было предположить, стали мои друзья. Например, если бы я своевременно прочитал подробнейший анализ книги, который выполнил Коля Лапцевич, многое можно было поправить. Но что написано у нас в заголовке, не станем злоупотреблять сослагательным наклонением. Равно как и бурчать на любых окружающих, на самом деле, жизнь воздаёт каждому по заслугам.

Не всегда своевременно и точно.

Но неотвратимо.

Рассказывая про модели развития военных систем, я, хотя бы теоретически, оставляю читателю возможность по исходным текстам работ разобраться в сложном содержании предметов и явлений, о которых здесь идёт

малость несвязная речь. Если же продолжать в таком ключе рассказ о *гомоцентрических моделях жизнедеятельности общества* (такой заголовок придуман для новой работы), то ясность изложения будет потеряна вовсе. В точном соответствии с той «кашей», которая пока царит в голове незадачливого

автора. А посему предлагается расстаться с читателем.

В надежде, что эта наша встреча ещё не последняя.

И учитывая прекрасную необратимость жизни.

© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 2000
E-mail: brys@math.nsc.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>